

ВАРЯГ НЕ СДАЕТСЯ

В России Урмас Отт исполняет обязанности согласно контракту. Происходящее здесь его не очень интересует. Недавно Отт перенес инфаркт. Но теперь, кажется, все в порядке — он опять в Москве, и его телешоу продолжается.

Москва, Россия, март 1989 г.

— Как ваше здоровье? — 25 февр. — 4.6
— И хорошо, и плохо. С одной стороны, съемки закончены, работа сделана, а с другой, люди, которые должны были приехать полчаса назад, — их до сих пор нет. Это типичная московская манера. Человек должен позвонить сейчас, а он звонит через три месяца и приводит очень много убедительных аргументов, почему так получилось. Я ничего не имею против, это, наверное, такой национальный темперамент — "гуляй, Вася, Бога нет". Поэтому я немножко нервный.

— Такая русская необязательность довела вас до инфаркта?

— Русские тут вообще ни при чем. Я говорю о телевизионной тусовке. Никогда ничего не начинается вовремя. Я привик, если в восемь запись — значит в восемь запись. А это просто разгильдяйство. Я жду 25 минут в конце XX столетия — звонка на мобильный нет. Как идиот трачу полчаса из своей короткой жизни. Я привик к пунктуальности. Понятно, что в каждой стране есть свои привычки, правила, но иногда это выводит меня из себя.

— Тогда зачем вы приезжаете работать с этими необязательными людьми?

— Просто вы застали меня в такой момент. Через час я успокоюсь и буду говорить совершенно другое. Хороший у вас вопрос! Давайте будем еще говорить, ненавижу ли я евреев. Вам нравится эта тема?

— Если бы вы имели к этому отношение, обязательно бы вас спросил. Все-таки, Урмас, для чего вы приезжаете к нам делать программу? Это просто работа ради денег?

— Понимаете, я многие годы приезжал в Москву, лежал на ступеньках "Останкино" и просто ждал, что кто-то заметит меня и пригласит сниматься (шутка). Вы еще скажите, что мне снится по ночам Красная площадь и я все время плачу и думаю, как же мне попасть в Москву на телевидение. Тут нет никакого романтизма. В России много потенциально прекрасных телеведущих. Я не знаю, почему меня пригласили сюда. Наверное, по старой памяти. С одной стороны, мне это приятно, но я могу работать и в других странах. Я не умру в Таллине от голода, и Москва для меня не спасение. Наше время очень прагматично. Все зависит от того, как договориться.

— Может, вам в Таллине скучно, как, например, стало скучно Козакову и Леонидову в Израиле?

— Когда скучно, необязательно ехать в Москву, я могу поехать в Нью-Йорк или Лондон. Здесь я испытываю себя в абсолютно новой культурной среде. Это очень заманчиво. Здесь заключается огромная опасность. Я не живу в России, а делаю передачу для коренного населения. У зрителя есть личное отношение к моим героям, у меня — нет. Конечно, это облегчает жизнь, потому что я — чистый лист. Но могут быть большие проколы. Это минус.

— Вам не кажется, что вы часто бываете не в материале, не успеваете угнаться за нашей жизнью?

— Конечно, я и не могу быть в материале, потому что для этого я должен был родиться в Москве, жить тут вместе со всеми, бороться и потом бесконечно страдать. Когда русский ведущий делает ошибки, ему прощается, а про меня все думают: что он в этом понимает — получает деньги и еще ругает. Я заметил, у русских, как и у любого другого народа, есть такая черта: свои могут своих критиковать, но не дай бог, если это же будет делать человек со стороны. В Эстонии то же самое.

— Когда вы начинали, ваш стиль казался неожиданным, шокирующим, по-хорошему наглым. Сейчас, интересуюсь у Пугачевой, сколько стоит ее дача, вы выглядите пошло.

— Заметьте, на российских телеканалах все время ищут что-то новое. На самом деле не-

может быть, не модная. Это уже не круто, потому что нормально. На Западе есть Ларри Кинг, к которому все давно привыкли. А вы хотите в погоне за рейтингом каждые полгода что-то менять. Меня рейтинги абсолютно не интересуют. Мне 43 года, я пожилой мужчина. Пусть крутыми будут те, кто на двадцать лет моложе. Я не собираюсь играть в эти игры и прекрасно знаю свое место в рабочем строю.

— Спонсором вашей программы является один московский ресторан. Вы знаете нашу экономическую ситуацию. Богато сервированный стол раздражает бедных людей.

— На самом деле в передаче очень мало едят. Было всего несколько случаев. В основном это как декорация, как украшение. Я понимаю, что многих эта еда очень раздражает. Что же теперь искать спонсора, который лучше соответствует нынешней ситуации в России, — делать передачу рядом с туалетом Казанского вокзала, в буфете с пирожками по пять копеек и бесплатным чаем?! Если Россия находится в кризисной ситуации, значит, на телевидении все с утра до вечера должны плакать? Во всем мире в основном люди бедные. В советские времена у нас привыкли: все, что продается в ГУМе, может позволить себе каждый. Теперь этого нет.

— Правда, что вы очень дорогой (высокооплачиваемый) телеведущий по российским меркам?

— Мне трудно сказать, я не владею ситуацией. Я не знаю, сколько в России платят телеведущим.

— Контракт вас устраивает?

— Никого никогда не устраивал ни один контракт, и меня в том числе. Но надо быть реалистом.

— Вас одевают по контракту?

— Да. У меня хватает своих костюмов, но крайне неудобно тащить с собой два чемодана с брюками и галстуками. На Западе фирмы тоже выдают одежду ради рекламы. Я считаю, что это нормально. Раньше мне казалось, что это как-то унижает человека. Сейчас я понял, что был просто дураком.

— Иногда кажется, что вы играете в свое якобы незнание русского языка. Прикидываетесь нелепым эстонским парнем и на голубом глазу выуживаете откровения.

— Естественно, у любого ведущего есть разные трюки. Самое главное — что-то вытащить, узнать, а каким образом ты это будешь делать — неважно. Свой акцент я не играю, хотя, действительно, русского языка хорошо никогда не знал. Совершенный и несовершенный вид мне объясняли тысячу раз, но я так и не понял, что это такое. В основном у меня нет проблем в общении, но бывают дни, когда я не могу связать и трех слов — и на русском, и на английском.

— Вы любите выпить?

— Я не алкоголик.

— Вы до сих пор остаетесь убежденным холостяком?

— Я никогда не был убежденным холостяком. Это миф. Моя личная жизнь меня полностью устраивает. И сейчас, наверное, поздно предпринимать какие-то революционные изменения. 43 есть 43. Жизненные силы уже не те. Сейчас хочется только лежать, слушать оперную музыку, и больше ничего.